

Беседа 11. Разнообразные русские.

Мы приступаем к чтению следующего подзаголовка Жития святой Ольги, носящего название «**О первом великом князе Рюрике Руском**». Что сразу же обращает на себя внимание? Именованье Рюрика руским. Такое его именованье как будто не согласуется с мыслью о равнозначности слов «русский» и «православный». Князь Рюрик был язычником, как же он назван руским? Это с одной стороны, а с другой, выражение «Рюрик Руский» удивительно слышать уже потому, что по утверждению авторов Степенной книги рускими прозывались славяне, а не варяги. Помните? «От варяг бо Русию прозвахомся, а преже словени быхом». Что же? Преосвященные историки сами себе противоречат?

Противоречий здесь нет. Во-1-х, хотя и сказано, что славяне от варяг Русью прозвались, но сказанное не значит, что сами варяги не могли зваться рускими. Именно варяжские дружины, как уверяют нас светские историки, и назывались первоначально «русью». А во-2-х, князь Рюрик назван здесь руским не по содержанию, но по форме. Чтобы понять эти слова обратимся к более близкому, чем древняя Русь, прошлому. Например, к 19-му веку. Писателя Льва Толстого мы зовём русским писателем, хотя он не может быть назван русским в истинном смысле этого слова, поскольку он не был православным. Русского по формальной принадлежности к Православию, но нерусского по духу Льва Толстого правильнее будет назвать русскоязычным писателем. Почему же он зовётся руским? По присущему всем нам свойству смотреть на внешнюю сторону вещей, а не на их суть.

Что же? Называя Рюрика руским князем, авторы Степенной книги тоже не разглядели его сути? Прежде чем ответить на этот вопрос заметим, что мы не учим авторов Степенной книги пониманию истории, как это делают современные издатели книги в предисловии к ней. В этом предисловии, что ни предложение, то указание митрополитам Макарию и Афанасию, как надо правильно писать. Мы не будем приводить и разбирать подобные указания, поскольку не считаем полезным вступать в спор с издателями. Они проделали огромную, кропотливую работу, и за то, как говорится, спасибо. Но какую пользу они для себя извлекли? Насколько обогатились душевно? Судя по содержанию предисловия – нисколько. Впрочем, это не наше дело. Зачем же мы тогда о нём говорим? Затем, что нас поразило это загадочное обстоятельство. Оказывается, можно, приступив к словесной горе, перебрав её и перелопатив, так и не заметить, что вся она – из чистого золота... Под золотом я разумею красоту и премудрость слов Степенной книги. Итак, если её современные издатели поучают средневековых писателей, взирая на них с «высоты» своего культурно-исторического и научно-технического развития, нисколько не понимая, что эта высота есть на самом деле пропасть, то мы учимся у тех писателей правильному, т.е. православному взгляду на нашу прошлую и настоящую жизнь. И не только взгляду, мы учимся у них самой жизни, зная свою беду, своё страшное духовно-нравственное падение.

Сказанное не значит, что мы не можем рассуждать о содержании Степенной книги и должны ею только восторгаться. Напротив, мы будем постоянно её оценивать, но делать это будем как смиренные ученики, которые, когда встречаются непонятное место,

спрашивают учителя и терпеливо ждут ответа, а не лезут со своими замечаниями. Перебивать учителей глупо. Скажем даже, что высокомерное отношение к Степенной книге в наших сегодняшних обстоятельствах нужно назвать уже не только глупостью, но безумием. Ибо это поистине безумие, когда люди, которые как народ могут скоро исчезнуть, читают свысока историю своих предков, построивших огромное по тем временам государство. Читают свою историю, не только не желая учиться у предшественников, но взирая на них с надменностью. Такое безумие можно сравнить с поведением больного человека, который, видя здоровяка, стал бы учить его жизни, считая его здоровье болезнью.

Душевно-нравственное состояние русского общества во время написания Степенной книги, можно назвать цветущим. И нам ли, стоящим у края гибели, с высокоумием и усмешкой, дескать, тёмное средневековье, относиться к тому времени? Нам ли не обратиться с поклоном? Нам ли не устремиться к их опыту? Нам ли не открыть с благоговением историю, описывающую их путь? И не только их, но наш общий русский путь, на который мы, если, наконец, не возвратимся, то исчезнем как народ, как хранители идеи, вернее сказать, как носители духа, а ещё вернее, как носители того Ангела, который собрал нас под своё крыло. Ибо, как говорится в Священном Писании о причинах разделения потомков Адама по разным народам: *Егда разделяше Вышний языки, /.../ постави пределы языков по числу Ангел Божиих* (Втор.32:8). Иными словами, когда Всевышний разделял народы, тогда поставил пределы народов по числу Ангелов Божиих.

Поэтому обратимся к Степенной книге за помощью и советом. Будем усердно вчитываться в её премудрые и прекрасные слова. И если перед нами возникнет непонятное или, как нам покажется, предвзятое историческое описание, то мы скорее откажем себе в разумении, чем согласимся с тем, чему нас учат авторы предисловия к Степенной книге, дескать, преосвященные историки мыслят схематично.

Преосвященные историки мыслят идеологическими схемами, говорите вы? Их мнение предвзято? Ну, а ваше мнение не предвзято? Оно свободно? Конечно, нет. Любое мнение (и ваше, и наше) продиктовано определённой идеологией. Иначе и быть не может, потому что если говорить предельно общо, то всякая мысль – предвзята, и каждая идея – схематична. В чём же тогда между ними разница? В том, что одни мысли принадлежат к числу спасительных, а другие ведут в гибель. Вот и всё.

Итак, желая понять, почему варяжский князь Рюрик назван в Степенной книге русским, мы слегка коснулись русской идеи. Иначе нельзя было поступить, потому как, прежде чем рассуждать о рускости варягов и рускости славян, а также о рускости и нерускости всех иных народов, нужно разобраться, что же такое русская идея. Конечно, рускость это не национальность.

Беседа 12. Степени и грани: необыкновенный приём.

Дойдя до подзаголовка Жития святой Ольги, носящего название «**О первом великом князе Рюрике Руском**», мы задумались, а почему варяжский князь назван русским? Действительно, почему язычник, который, как кажется, должен быть оставлен

православными историками в варягах, причислен ими к руским, т.е. по сути дела, к самим себе, поскольку они именуют себя рускими?

Напомним слушателям, что читая Степенную книгу, мы ищем ответы на те недоумения, которые ставит перед нами современность, поэтому вопрос о рускости князя Рюрика и его принадлежности к русской идее нас интересует не отвлечённо, не сам по себе, но в приложении к недавнему нашему прошлому, а именно, к советскому этапу русской жизни. Как нам, православным, к тому времени относиться? Отвергнуть как богоборческое безумие? Или принять с оговорками? Вычеркнуть из православной истории? Или вписать как позорную страницу всенародного обольщения призраком коммунизма? Читая историю князя Рюрика, как она изложена церковными писателями, мы, между прочим, учимся православному отношению и к советской истории. Поэтому будем читать Степенную книгу внимательно.

«Жезлом же прообрази в Руси самодержавное царское скипетроправление, иже начася от Рюрика, его же выше рекохом, иже прииде из Варяг в Великий Новгород со двема братома своима и с роды своими, иже бе от племени Прусова, по его же имени Пруская земля именуется».

«Жезлом же прообрази в Руси самодержавное царское скипетроправление, иже начася от Рюрика...» Здесь речь идёт об апостоле Андрее Первозванном, и мы опять видим, как название подзаголовка, когда оно оказывается внесённым с полей внутрь текста, мешает правильному пониманию написанного. Мешает тем, что разбивает авторскую мысль и разрывает единое действие апостола Андрея на две части.

«Прообразоваше же Бжественным крестом в Рустей земли священное чиноначалие, жезлом же прообрази в Руси самодержавное царское скипетроправление». Так полностью звучит это предложение, и мы уже говорили о его глубоком смысле. Говорили, что если и отыскивается в этих словах идея о симфонии властей государственной и духовной, то о симфонии особой, в которой тон гражданскому устройению общества задаёт церковная жизнь. Мысль о главенстве священства над царством легко прочитывается в этом предложении и без проделанного нами разбора церковно-славянских слов «прообразоваше» и «прообрази». Уже одно то, что жезл, т.е. посох, которым было прообразовано Русское самодержавие, принадлежал не кому-нибудь, но апостола – лицу, наделённому особой духовной властью, – говорит о том, что авторы Степенной книги поставляют царство в зависимость от священства. Но почему тогда она именуется Книгой царского родословия? И почему вступление к книге, названное Сказанием, только к скипетродержателям обращено? Почему в нём ничего не сказано о священстве?

Чтобы ответить на этот вопрос нужно внимательно посмотреть на оглавление Степенной книги, которое называется **«Гранесование степенем и оглавление гранем»**. В этом оглавлении обозначение каждой степени выдержано почти слово в слово. Возьмем, к примеру, первую степень. Она обозначена так: **«Степень первый и три митрополита: Михаил, Леонт, Иван, и грань первая, в ней же глав 75»**. Именование других 17-ти степеней книги сделано по этой же схеме. Сперва назван порядковый номер степени и перечислены митрополиты по именам, затем называется порядковый номер грани и количество глав в ней.

Итак, мы видим интересную картину: степень определяется не княжескими, а митрополитскими именами. Иными словами, хотя и повествует Степенная книга о царском родословии, но внутри степеней первыми названы не цари, а митрополиты. Более того, самое слово «степень» отдано митрополитам, княжеские же дела названы словом «грань». Вслушаемся ещё раз в обозначение первой степени. **«Степень первый и три митрополита: Михаил, Леонт, Иван, и грань первая, в ней же глав 75».** Степень первый и грань первая... Зачем один раздел книги назван словом «степень» и словом «грань» одновременно? Могут сказать, что это словесная уловка авторов, желавших исподволь поставить духовную власть выше царской. Нет, это не уловка. Неужели стали бы прибегать к каким-то уловкам царские духовники? Это особое мышление, которое едва понятно современному человеку. Это попытка отобразить два плана истории. Этот тот объём, который необходим церковному историку, пишущему как о земной, так и о небесной Церкви. Небесному деланию отведено слово «степень», а описанию земных дел дано название «грань».

«Двадцать патриархов великий в патриарсах детотворив, тайно утверди тебе лествицу деятельного, душе моя, восхождения: дети, яко основания, степени яко восхождения, премудренно подложив». Это слова из 4-ой песни Великого канона преподобного Андрея Критского. Дети яко основания... Князя как духовные чада детотворены, т.е. порождены духовными отцами, митрополитами и священниками, и расположены как степени восхождения... Лучше же сказать, сам Господь, как «великий в патриарсах», как *Архиерей грядущих благ* (Евр.9:11), «детотворив» «патриархов», т.е. русских митрополитов, по слову пророка Исаии: *се Аз и дети, яже ми дал есть Бгъ* (Евр.2:13), подложив их как основания для Своего восхождения, нет, не для Своего, поскольку не нуждается в нём, но для общего церковного восхождения утвердил лествицу деятельного восхода на Небо.

И вот теперь, несколько осмыслив строение Степенной книги, вернёмся к вопросу о рускости языческого князя Рюрика и увидим, как мудро поступили православные авторы в его решении. Они внесли и не внесли Рюрика в историю Православия. Он назван руским, и в то же время в число русских не вошёл, потому что не вошёл в число Степеней. Языческий князь Рюрик, как и два его ближайших потомка, великие князья Игорь и Святослав, остались вне лествицы деятельного восхождения. Поэтому, если и можно говорить о принадлежности князя Рюрика к русской идее, то эта принадлежность должна быть названа внестепенной.

Высказали мы эту мысль и огорчились тому, как принижается всякая мысль через её высказывание. Была поэзия Степенной книги, был полёт, но стоило только попытаться их раскрыть, как всё улетучилось, и остался штамп. Так происходит всякий раз, когда многоплановые мысли высказываются с односторонней определённостью.

История народа принадлежит поэту, иначе говоря, истинная история пишется по вдохновению, а не по заказу. Историки-поэты не дают читателю готовых ответов, но учат его думать. Это советские историки в своё время поступали наоборот: учили не столько истории, сколько отношению к ней. Живая, а не заказная история пишется как художественная картина, а не как идеологический штамп. И научение истории должно заключаться в научении вдохновению, лучше же сказать, в научении духу, который руководил историком в создании им исторического полотна. И мы, взглядываясь в

историческое полотно Степенной книги, не тому ли самому учимся, т.е. не общению ли с духом, который наставлял писателей Степенной книги, лучше же сказать, управлял русским народом во время её написания?

Беседа 13. Многогрудная ступень и многочадная грань.

В прошлой беседе мы рассматривали отношение Степенной книги к князю Рюрику, и через то хотели понять, как нужно православным христианам относиться к советскому прошлому. Отвергать его? Порицать? Принять как внестепенный период русской истории? Преосвященные историки поступили мудро. Они оставили языческого князя в православной истории, но ступени в лестнице, то есть в смыслообразующем ходе русской истории ему не дали. Оставим и мы вне восходящей к Бгу лестницы нашу советскую историю. Да и не было никакой лестницы. Была пропасть между двух времён. Но почему была? Пропать длится. Нога висит над пропастью. Встанет ли она на ступень-грань? Или провалится? Страшный вопрос.

Впрочем, если мыслить об истории так, как учит Степенная книга, то ступени умного восхождения к Бгу в русской истории прекратились много раньше советского периода. Степенное восхождение к Бгу прекратилось на Руси после упразднения императором Петром Алексеевичем патриаршества. С произведённой им заменой патриаршего церковного управления синодом на Руси установилась одна большая 200-летняя грань, но ступеней не было, поскольку не было имён, которыми открываются ступени Степенной книги, не было в Русской земле духовных единокоренцев. Эта двухвековая грань вышла необъятно широкой, но ввысь, горе русское восхождение в то время не совершалось.

Мы уже вспоминали Великий канон преподобного Андрея Критского, который как в середине 16-го века, так и поныне читается в православных церквах в дни Великого поста. Его образы глубоко западают в верующую душу.

«Жены ми две разумей, деяние же и разум в зрении: Лию убо деяние, яко многочадную, Рахиль же разум, яко многогрудную, ибо кроме трудов ни деяние, ни зрение душе, исправится». Двум женам патриарха Иакова можно уподобить приём Степенной книги, неразделимо разделяющей рускую историю на два состава: ступени и грани. Многочадная Лия это грань, многогрудная Рахиль это ступень. Две жены, две линии отсчёта времени, два плана рассмотрения истории, при котором в гранях даётся описание «многочадных» земных дел, а в ступенях заключается «многогрудное» осмысление делаемого, или «разум в зрении». И деяние, и осмысление требуют трудов, но грань это ровная поверхность, а ступень это возвышение, и чем выше, тем видней. Когда же деятельность на поверхности распространяется бесконечно далеко, а восхождения, чтобы всю её увидеть нет, тогда деятельность становится беспорядочной и понимание её смысла утрачивается.

Любопытно отметить, что слово «грань» происходит от праславянского слова «грань», что значит «ветка, побег, соплодие», которое в свою очередь происходит от индо-европейского корня «ghr», который означает «расти, давать побеги». Значит, если смотреть в индо-европейский корень, то слова «грань» и «гроздь» – однокоренные. Вот и выходит, что в то время, когда русская гроздь росла, побеги-грани умножались, и уже

самое имя «русский» стали писать с двумя буквами «с», подобно тому как в имени патриарха Аврама произошло удвоение гласных (см.Быт.17:5), т.е. когда, говоря образами Великого канона, Лия изнемогала в чадородии, тогда Рахиль, т.е. «разум в зрении» не только не улучшался, не только не восходил *от силы в силу* (Пс.83:8), но слабел и мутнел, пока не расстроился вконец. Когда же окончательно ушло из русской жизни понимание смысла истории, как оно описано в Степенной книге, тогда вместо восхождения к Бгу стало возможно построение на Руси социализма и распространение лживого коммунистического учения по всему миру.

Учителями российской жизни в безстепенное время вместо церковных учителей стали новоявленные пророки вроде Пушкина, Толстого, Достоевского и многие другие литературно-научные помрачители православного духовного смысла, имена которых можно перечислять бесконечно. Плоды их умственных трудов мы пожинали в суровые советские годы, продолжаем пожинать и поныне в виде отвратительной демократической свободы. И эти плоды не могли быть иными, потому что они не были плодами духа, о которых говорит Апостол: *плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал.5:22). Плоды деятельности гениев от литературы и науки уместнее назвать душевными плодами, а их мудрость лучше назвать земной, которая *не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бесовская, ибо где зависть и сварливость, там неустройство и все худое* (Иак.3:15,16). Духовные же плоды не за письменным столом и не отточенным пером стяжаются, но чистотою жизни и постоянною к Бгу молитвой. «Зной дневный претерпе лишения ради патриарх, и мраз ночный понесе, на всяк день снабдения творя, пасый, труждайся, работай, да две жене сочетается», т.е. Лию и Рахиль, которая есть Бгопросвещенный разум.

Итак, приём соединения двух планов истории путём именованья одного раздела двумя разными словами «степень» и «грань» можно назвать искусным приёмом авторов Степенной книги. Однако через его рассмотрение мы отошли от самой книги. Вернёмся к тексту о князе Рюрике. **«... иже бе от племени Прусова, по его же имени Пруская земля именуется. Прус же брат бысть единоначальствующаго на земли римскаго кесаря Августа, при нем же бысть неизреченное на земли Рождество Господа Бга и Спаса нашего Иисус Христа Превечнаго Сына Божия от Пресвятаго Духа и от Пречистыя Приснодевы Марии».**

Новое имя возникает в русской истории – Прус, ибо Рюрик, как говорится в Степенной книге, был «от племени Прусова». Первое, что приходит в голову современного читателя при слове «прус» это Пруссия, т.е. типично германская земля, воплощение германского духа. «Но прусы, - по мнению академика А.А.Зализняка, некоторые слова которого мы уже приводили в наших беседах, - вовсе не германцы. Это балтийское племя, родственное литовцам, от которого сейчас уже ничего не осталось. Их, правда, не убивали, просто после захвата они постепенно перешли на немецкий язык. А название осталось их. Так что Пруссия — исторически вовсе не германская земля».

Так это или не так, германская земля Пруссия или не германская, нас это не очень волнует. Как в беседе о княгине Ольге мы говорили, что все версии о её происхождении нами принимаются без предпочтения одних другим, так и в случае с Прусом –

прародителем Рюрика – нас не волнуют разночтения. Интересно, конечно, узнать, что думают о происхождении народов учёные люди, но наша история другая. Наша история – двупланова, т.е. земная и небесная, и второй её план - небесный - нас интересует, если не больше, то уж точно не меньше первого.

Жительство наше на небесах, говорит апостол Павел. В греческом тексте на месте слова «жительство» стоит слово «политевма», которое происходит от слова «полис» - город, и которое можно перевести словом «гражданство». Гражданство наше на небесах, стало быть, происхождение и родство своё мы ищем на небе, *отонудуже и Спасителя ждем, Господа нашего Иисуса Христа, Иже преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы Его* (Фил.3:20,21). Поэтому на многие разночтения нашей земной истории мы закрываем глаза, желая смотреть в корень. Корень же наш вверху, на Небе.

Беседа 14. Август, Прус и Хлодвиг.

В Степенной книге царского родословия мы прочли слова о родстве князя Рюрика с Прусом, сказав при этом, что вопрос о происхождении племени Прусова, каким оно было: германским или балтийским, нас мало волнует. Что же нас волнует? **«Прус же брат бысть единачальствующаго на земли римскаго кесаря Августа, при нем же бысть неизреченное на земли Рождество Господа Б҃га и Спаса нашего Иисус Христа Превечнаго Сына Божия от Пресвятаго Духа и от Пречистыя Приснодевы Марии».**

Эти слова Степенной книги я бы назвал узлом, в котором связались земные и небесные нити повествования. В этих словах сошлись воедино степени и грани, временные и вневременные планы, духовные и земные точки отсчёта, конечные и бесконечные цели истории. **«Прус же брат бысть единачальствующаго на земли римскаго кесаря Августа»** - это земная нить. **«При нем же [т.е. при Августе] бысть неизреченное на земли Рождество Господа Б҃га и Спаса нашего Иисус Христа Превечнаго Сына Божия от Пресвятаго Духа и от Пречистыя Приснодевы Марии»** - а это небесная нить Степенной книги. Последнее предложение оставим без рассмотрения, ибо для верующих сказанное в нём понятно без объяснений, а для неверующих оно останется непонятным, как бы мы не старались его им объяснить, потому что объяснение факта рождения Сына Божия не от нас зависит. *Никто*, как говорит Апостол, *не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым* (1Кор.12:3). А вот о первом предложении, названном нами земной нитью, нам нельзя не поговорить с неверующими, иначе они нас не поймут совершенно.

Итак, Прус был братом римского кесаря Августа, говорится в Степенной книге, и это известие ошеломляет. Для любого мало-мальски знакомого с мировой историей родство Пруса с Августом, собственно говоря, с императором Октавианом, представляется столь же невероятным, как родство уже упоминавшегося нами вождя племени франков Хлодвига с морским чудовищем. Но почему нам опять вспомнился Хлодвиг? Всё познаётся в сравнении, и чтобы хоть сколько-нибудь понять, почему в Степенной книге возникло известие о родстве Пруса и Октавиана, предлагаю сравнить его с легендой о происхождении французского короля Хлодвига.

Хлодвиг был внуком Меровея, основателя династии Меровингов, рождение которого окутано следующей тайной. Мать Меровея, жена короля Хлодиона, будучи непраздной, пошла купаться в море и привлекала к себя внимание какого-то морского животного. Каким было это внимание? Легенда говорит, что она была унесена им в море на некоторое время. Пусть так. Хотя мне кажется, что достаточно было простого приближения морского чудовища к женщине, чтобы затем в людских разговорах это приближение выросло до размеров похищения и до вывода о том, что в жилах Меровея течёт кровь морского зверя.

Такова легенда о родстве Меровингов с морским животным, и такова наша попытка её объяснения. Лучше нам стало от того, что мы её таким образом объяснили? Ничуть. Понятнее она нам стала? Не намного. Что же мы сделали, объяснив её? Мы сбили с легенды, как с цветущей яблони, поэтический цвет. Кстати говоря, слово легенда в буквальном переводе с латинского значит: «то, что должно быть прочитано», и лучшего слова для именованья рассматриваемых нами историй о Прусе и Меровингах не подобрать: именно легенда, т.е. то, что должно быть прочитано и принято читателем в самостоятельном размышлении, примерно таком: «Ух-ты, огромное морское животное, наверное, морской король... Ведь неспроста мать Меровея была унесена им, значит и власть Меровея непростая... Значит, и я, под его властью находясь, оказываюсь непростым...», и т.д. и т.п. Всё это должно было быть понято и пережито человеком внутри него, ибо тайна, которая открывается нам путём долгих размышлений, становится для нас особо дорога. Не так ли?

Но вернёмся к нашей легенде о Прусе. Если мы хотим её объяснений, мы всегда можем их получить. Но одно дело, когда читатель сам прилагает усилия для понимания, а другое, когда он получает готовое объяснение. В последнем случае он лишает себя возможности сотворчества с тем духом, который внушил (буквально: вн-ушил, т.е. вложил в уши) поэту или художнику то или иное произведение. Короче говоря, объяснение красоты, когда оно даётся человеку извне, а не совершается внутри него, умаляет её.

Прус был братом кесаря Августа, говорит Степенная книга, и какие могут быть в этом сомнения? Прус был братом кесаря Августа уже потому, что Прус в своём племени, как и Август в своём народе, принадлежал к правящему сословию. Иными словами, Прус был братом царя Августа по званию, т.е. по призванию Бжию. Если же подобного доказательства для объяснения родственных связей Пруса и Августа нам недостаточно, чтобы принять это сообщение Степенной книги, то можно иное доказательство предложить. Прус был братом Октавиана по крови. Это как? Очень просто. *От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию* (Деян.17:26). Все люди имеют своим отцом Адама, и уже поэтому Прус и Октавиан – братья. Итак, родство их доказано? Нет? Если нет, то все несогласные или не вполне согласные с моими доводами могут остаться при своём мнении.

Беседа 15. Духовное зерно легенды о Прусе.

Читая легенду о происхождении Пруса, мы подходим к главному её содержанию, ибо известие Степенной книги о родстве Пруса и Октавиана сообщено нам не ради него самого, но в связи с другим, гораздо более важным известием. Каким? Сейчас мы увидим, как земная нить повествования будет привязана к небесной. У франков такой нитью было морское животное.

Кстати говоря, для христианского оправдания легенды о происхождении Меровингов от морской рыбы можно вспомнить, что рыба является символом Христа, но этим оправданием пусть занимаются христиане из французов, мы же займёмся своими легендами. Так вот, у франков духовной нитью истории о происхождении их властителей является морское животное, а у нас? К какой духовной нити привязана наша легенда о происхождении царского дома Рюриковичей?

«Прус же брат бысть единоначальствующаго на земли римскаго кесаря Августа, при нем же бысть неизреченное на земли Рождество Господа Бга и Спаса нашего Иисус Христа Превечнаго Сына Божия от Пресвятаго Духа и от Пречистыя Приснодевы Марии». Сообщение о родстве Пруса и Августа привязано к Евангелию! Вот то главное, что хочет сказать Степенная книга, и почему она вообще говорит о родстве Пруса с Августом

Из Евангелия мы знаем, что в правление Августа произошло на земле неизреченное Рождество Сына Божия. А также знаем, что *в те дни* (т.е. во время рождения Сына Божия) *вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле* (Лк.2:1). Поэтому, даже если Прус, допустим это на мгновение, и не был братом кесаря, но поскольку он упомянут в Степенной книге рядом с кесарем, значит, и он был охвачен вселенской переписью, и таким образом, был включён в Небесную историю мира. Но Прус не мог не быть братом кесаря, поскольку сам был кесарь, т.е. правитель. Логично? Мне кажется, что только так и должен был мыслить средневековый человек, т.е. мыслить сословно и иерархично, потому что мыслить демократично верующий, да и просто разумный человек, не может.

Вот, собственно, и всё. Причастность начальника русов Рюрика через своего легендарного предка Пруса к Христову Рождеству – вот главная мысль подзаголовка, носящего название **«О первом великом князе Рюрике Руском».**

Итак, мы попытались, насколько могли, объяснить легенду о Прусе с точки зрения разума. И вновь возникает вопрос: лучше нам от этого объяснения стало? Понятнее? Нет, не лучше и не понятнее, потому что объяснение мысли, если человек самостоятельно не ищет на неё ответа, но получает его готовым, становится для него вместо блага пагубой. Потому что, постигая образ, человек сам преобразуется и возвышается, если, конечно, изучаемый им предмет духовно высок.

Надо заметить, что во многих курсах Русской Церковной истории о Прусе умолчано, видимо, потому, чтобы не касаться так называемой «Августинской» легенды, которая в глазах учёных людей выглядит посмешищем. Но в глазах учёных людей многие сообщения Священного Писания выглядят посмешищем. Что же теперь? Не касаться их и не изучать?

О родстве Рюрика с Августом говорится не только в Степенной книге, но также в Воскресенской летописи, в Государевом родословце, в Патриаршей родословной книге... Неужели все эти государственные издания и их издатели вралли? Нет, не вралли

они, но думали иначе. Ведь разумы у людей разные. И то, что с точки зрения одного разума зовётся неправдоподобной легендой, то с точки зрения другого разума является бесспорной истиной. И уже от нас самих, свободных разумом людей зависит, кому верить: учёным историкам или Степенной книге? Идеологии, которая зовётся наукой, или идеологии, которая зовётся Степенной книгой? Мне лично дороже последняя уже просто потому, что она гораздо одухотворённее и поэтичнее.

Подведём итоги. Известием о родстве Пруса и Августа авторы Степенной книги привязывают Русскую историю к истории всего мира. Но не к той истории мира, что писана людьми, у которых место веры в Бга заняла вера в разум, а к той единственно спасительной и благодатной истории, которую писали люди, связанные с Рождеством Христовым не столько буквой, сколько духом. Поэтому, сказав, что Рюрик «бе от племени Прусова», и пояснив, кто такой был Прус, и как он связан со Христом Бгом, составители Степенной книги сочли Рюриковскую тему исчерпанной и закончили свой о нём рассказ такими словами: **«Великий же князь Рюрик в Великом Новеграде самодержавствуя, ту и скончася. Сына же своего видя мала суща, остави яко двою лет, его же и всю державу свою поручи князю Олегу, иже бе от рода его».**

Впрочем, имя Рюрика ещё неоднократно будет нами встречено на страницах Степенной книги. Так, оно непременно будет стоять в начале каждой ступени, вернее сказать, каждой грани, открывая собою счёт колен каждого русского самодержца. Но сейчас повествование о Рюрике заканчивается, поскольку мы находимся в разделе, носящем название Житие блаженныя Ольги, значит, к Ольге и должны вернуться. Но ещё от одного замечания не смогли удержаться авторы Степенной книги, возвращаясь от Рюрика к Ольге. Замечание это кратко и многозначительно. **«Олег же многим странам одоле и на Цареграде дани и входы взимаше при царе Льве Премудром и брате его Александре».**

Какое из трёх известий в этом предложении главное? Факт одоления многих стран? Факт взимания дани с Царьграда? Или упоминание имён православных царей, при которых эти события происходили? Как правило, сказанное после всего запоминается крепче всего. Значит, и в этом предложении мы видим стремление авторов Степенной книги привязать русскую историю к мировой истории, центром которой был Царьград. Но не просто к мировой, а к спасительной мировой истории желают присоединиться составители Степенной упоминанием имён православных государей Льва Мудрого и Александра. А о походах на Царьград говорится так, как будто они произошли только потому, что не могли не произойти. Раз Олег многие страны одолел, значит и Царьград не мог не оказаться в их числе, как бы так говорят составители Степенной, извиняя воевавшего на православное царство язычника его воинственным характером.

Впрочем, желающие увидеть в этом предложении указание на силу русского оружия, всегда могут его увидеть. Хотя Священное Писание нас учит видеть силу в другом, говоря: *лучше муж долготерпелив паче крепкаго, удержаваяй же гнев паче вземлющаго град.* В синодальном переводе: *долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою лучше завоевателя города* (Прит.16:32).